

Материалы XX ежегодной Конференции СПб Отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники, СПб. 1999, **Наука и техника: вопросы истории и теории. Выпуск XV, С.83.**

История отдела методологии науки ленинградского ФТИ

В.В.Косарев

Физико-технический Институт ФТИ РАН, Санкт-Петербург

Отдел методологии науки Физико-технического Института (ФТИ) начал свое существование в марте 1931 г., когда на должность “красного” замдиректора ФТИ по научной части был назначен Лазарь Моисеевич Рубановский. В мае того же года туда пришел Юрий Петрович Шеин, который после женитьбы на Генриховне Липман принял фамилию Шеин-Липман, а в октябре - Иван Петрович Селинов-Драгунов, начавший исполнять обязанности секретаря отдела. Поскольку Селинова интересовала начавшая тогда бурно развиваться ядерная физика, то именно по его инициативе на заседании отдела было составлено письмо в ЦК ВКП(б) и первому секретарю ленинградского обкома партии С.М.Кирову, о необходимости создания в Физтехе группы по исследованию атомного ядра. Этой тематикой в ФТИ в то время занимался лишь Д.В.Скобельцын как экспериментатор, а в теоретическом отделе - Д.Д.Иваненко и Г.А.Гамов, недавно вернувшийся со стажировки в копенгагенской лаборатории Н.Бора. Партийное руководство отреагировало на письмо из Физтеха прежде всего кадровыми перемещениями. В феврале 1932 г. Рубановский стал заведующим кабинетом диалектического материализма, а Шеин возглавил отдел методологии. В марте распоряжением Бухарина на должность заместителя директора по научной части был назначен Д.З.Будницкий, член партии с 1928 г., работавший ранее в Госиздате и Электротехническом институте и имевший уже опыт администратора (год до этого Будницкий руководил физико-механической лабораторией Теплофизического института). В мае 1932 г. Рубановского в кабинете диамата сменил Селинов, а в ноябре в ФТИ начал работать семинар по ядерной физике. Первые три лекции по теории ядра прочел Гамов. Д.В.Скобельцын сделал два доклада о космических лучах. В декабре 1932 г. в ФТИ вышел приказ А.Ф. Иоффе о создании "особой группы по ядру". Руководителем группы стал сам Иоффе, а его заместителем И.В. Курчатова. В это же время Рубановский совсем ушел из Физтеха и вскоре Бухарин направляет на его замену другого заместителя директора - С.Ф.Васильева, по образованию химика и философа. Кроме того, поручение курировать эти исследования было дано сокурснику И.Е.Тамма по Эдинбургскому университету Б.М.Гессену, занимавшему тогда пост директора Физического института МГУ. Гессен окончил одновременно Петроградский университет и Институт красной профессуры и помимо административно-научной работы занимался также историей физики и методологией науки. Непосредственное участие в этих работах стал принимать также и Будницкий.

В начале 1935 г. Шеин-Липман стал первым из арестованных физтеховцев. Он был обвинен в том, что был активным участником троцкистского подполья. Сразу после его ареста Бухарин отозвал Васильева и Будницкого из Физтеха. Иоффе подписал приказы № 7 и 8 об освобождении их от работы 27.01.35 г. Это означало, по сути, ликвидацию методологического отдела ФТИ, т.к. единственный оставшийся в ФТИ его сотрудник, И.П. Селинов

еще ранее, с февраля 1934 г., был отстранен от работы в отделе. Причиной этого было то, что при проверке его анкетных данных выяснилось, что его мать, с которой он не виделся с того времени, когда был еще годовалым ребенком, была дворянкой, дочерью генерала Журавлева. Кроме того, он в анкете указывал свой комсомольский стаж с 1928 г., когда он на самом деле стал лишь кандидатом. Поскольку Селинов имел не только философское образование, но также и физическое, он перешел на работу в группу Курчатова. Однако в мае 1935 г. он все же был исключен из комсомола и уволен из института. В отличие от многих других в октябре 1935 г. ему удалось восстановиться в ВЛКСМ, а затем и в ФТИ.

23.08.36 г. Сергей Федорович Васильев был исключен из партии как бывший эсэр, вскоре (28.08.36) были арестованы участники философского семинара Павел Антонович Богдзевич, Константин Иванович Чистяков и младший научный сотрудник ФТИ Иван Алексеевич Максимов. В сентябре 1936 г. арестовали Д.З. Будницкого, а в декабре - С.Ф.Васильева. Богдзевич пишет о своей судьбе после ареста:

"Мне было предъявлено обвинение в том, что этот семинар являлся к/р организацией. После многих попыток свидания с прокурором следователь предъявил мне уже подписанную Чистяковым формулировку, предложив подписать и мне, заверяя, что в случае подписания меня переведут в общую камеру, где я смогу написать заявление прокурору. Я подписал, но свидания с прокурором так и не добился. Через несколько дней меня вызвали в кабинет и зачитали постановление ОСО о том, что я как враг народа приговариваюсь к 5 годам лагерей". Будницкий и Васильев были осуждены 23.12.1936 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР по статье 58-8(-17), 11 на 10 лет.

Вскоре после арестов Будницкого, Богдзевича, Васильева, Максимова и Чистякова был арестован (15 октября) и осужден на 8 лет Владимир Николаевич Глазанов. Его жена В.Д. Салтыкова, работавшая до этого в Смольном, с которой они жили вместе в соответствии с обычаями того времени с 1931 г. без регистрации, ждала ребенка. Это обстоятельство старался использовать следователь Киселев, который по телефону пытался ее запугать и заставить ее мужа подписать признание. Уже после суда в пересыльной тюрьме "Кресты" Глазанов встретился с Будницким, который, по его словам, на коленях просил у него прощения за то, что вынужден был подписать протокол с показаниями против Глазанова. Поскольку Будницкий продержался дольше Богдзевича, быстро согласившегося подписать признание, он был осужден значительно позже, 23 декабря, вместе с Васильевым и Максимовым за "активное участие в троцкистско-зиновьевской организации". Он получил срок 10 лет лагерей, а Максимов - 8 с конфискацией всего, "лично принадлежащего ему имущества". Жена Глазанова вместе с новорожденным ребенком была выслана в Оренбургскую область на железнодорожную станцию Акбулак. Осужденный тремя днями раньше Б.М. Гессен в тот же день был расстрелян.

К этому моменту Л.С.Рубановский получил назначение в г. Ташкент. Поскольку он был участником так называемой "зиновьевской оппозиции", т.е. был в числе сторонников Зиновьева, то чувствовал, что тучи над ним сгущаются и в любой момент может последовать арест. Поэтому он не взял с собой жену, В.Г.Самсонову, а велел ей оставаться в Ленинграде в физтеховской квартире на Ольгинской улице. Через некоторое время ее вызвали в НКВД и сообщили, что ее муж исчез - его одежда была найдена неподалеку от реки, и все выглядело

как самоубийство, но его тело не было обнаружено. НКВД больше всего волновал вопрос: не скрылся ли он за границу как Бажанов, А. Орлов или Ф.Раскольников, для отвода глаз, инсценировав самоубийство. Такой вариант бегства от НКВД был бы самым оптимальным для человека, хорошо понимающего происходящее, однако его выбирали немногие. Для убежденных коммунистов, которые не допускали для себя иной возможности политической жизни кроме членства в ВКП(б), естественнее было самоубийство реальное. Именно так поступили Томский и Орджоникидзе. Жена Рубановского, зная его настроения, также была уверена в истинности его самоубийства.

Узники 1936 г. продолжали пополнять основанные еще при Ленине в 1921 г. Соловецкий Лагерь Особого Назначения (СЛОН), более чем на 20 км. удаленный от материка. Заключенных доставлял туда в трюме пароход "Глеб Бокий", названный по имени начальника ленинградского ОГПУ, сменившего на этом посту убитого Леонидом Канегиссером Урицкого. В его трюмах немало людей задохнулось, другие, по свидетельству находившегося на Соловках с 1928 по 1931 г. будущего академика Д.С.Лихачева, отделялись переломами костей и кровавым поносом.

Когда Будницкий, Богдзевич, Васильев, Глазанов, Максимов и Чистяков попали на Соловецкий архипелаг, там, в помещении монастырской крепости - Кремля, параллельно с лагерем уже существовала и тюрьма, которую узники называли СТОН (Соловецкая Тюрьма Особого Назначения). Богдзевич до лета 1937 г. находился в лагерных бараках неподалеку от Кремля, затем его перевели на остров Анзер Соловецкого архипелага. Там он некоторое время жил в штрафном поселении на горе Голгофе, затем снова на большом острове принимал участие в строительстве овощехранилища и военного городка. Однажды их заставили перекапывать песчаный холм возле Онуфриевской церкви и извлекать из гробов различные ценности. Затем его перевели в тюрьму, где заключенных называли только по номерам. Там он написал статью "О происхождении земного магнетизма" и обучал сокамерников алгебре. Можно было иметь книги, но только если в них не было заметок. О событиях в мире они узнавали лишь из обрывков местных газет, которые им выдавали утром перед оправкой.

Однажды он получил 5 суток карцера за то, что оставил на кровати мыло. Карцер помещался в скиту Савватия Соловецкого на Секирной горе ("Секирке"), находившейся в 18 км. от монастыря. Заключенных заставляли там сидеть "на жердочках". По словам Богдзевича несмотря на то, что был май месяц, в карцерной клетке 2 на 2 метра было холодно. Одежда была лишь из нижнего белья. Из мебели только стул. Спал на откидной скамье, которая опускалась только на ночь. Все пять суток давали лишь хлеб и воду. После карцера его еще долго держали на половинной норме еды.

По словам старшей дочери Будницкого, Инны Данииловны (ей в момент ареста отца было 6 лет, а ее младшей сестре - 3 года), семья первое время получала от него письма, полные оптимизма и надежды на реабилитацию. Через год переписку запретили, и с тех пор семья ничего не знала о его судьбе до 1961 г. Именно тогда, после подачи документов на реабилитацию семья Будницкого получила свидетельство о его смерти с датой: 4.10.41. В графе "причина смерти" стоял прочерк.

Как выяснилось в дальнейшем, в конце 1937 г. и начале 1938 г. в соответствии с оперативным приказом Н.Ежова №00445 началась кампания

чистки лагеря и тюрьмы от “врагов народа”. Начальник УНКВД ЛО Л.Заковский получил из Москвы письменную директиву, в которой ему предписывалось отобрать 1200 человек из числа заключенных Соловецкого лагеря, осужденных как бывшие оппозиционеры, троцкисты и эсэры, и затем “репрессировать” их (т.е. уничтожить). В октябре туда приезжала Особая Тройка УНКВД по Ленинградской области (сам Заковский, его зам. В. Гарин и прокурор Л-да Б. Позерн). Выполняя спущенную сверху разнарядку они перевыполнили план, отобрав всего 1825 человек. Сюда попали не только бывшие оппозиционеры и “террористы”, но заодно также и священники, уголовники и, даже, бытовики - малосрочники, которые вскоре должны уже были освобождаться. В число отобранных попали Будницкий и Васильев. Всех их скопом приговорили к высшей мере наказания под предлогом “к/р агитации среди заключенных”. Ничего не подозревавших осужденных на смерть перевели вначале в СТОН, а дальше стали размышлять над тем, как привести свой приговор в исполнение. Некоторые (около 500 человек) были расстреляны на “Секирке”, а всех остальных было решено отправить на “большую землю”. В эту то партию, возможно, и попали Будницкий и Васильев. Вначале они были морем этапированы в Кемь, а оттуда по железной дороге в Медвежьегорск, где их поместили в СИЗО Белбалтлага. Место расстрелов заключенных Белбалтлага находилось в 19 км. от Медвежьегорска в районе урочища Сандормох. Расстрелы проводил капитан НКВД Михаил Матвеев лично. Иногда ему помогал помощник коменданта УНКВД ЛО Алафер. В день они расстреливали из револьвера в затылок от 200 до 250 человек. Во время перевозки на место расстрела первого этапа была предпринята попытка нападения на конвоира с целью побега. Поскольку дорога, по которой везли осужденных на казнь была довольно оживленной, это создавало определенные трудности для конвоя. Поэтому заключенных стали заставлять раздеваться до гола еще в СИЗО, после чего их связывали. Трупы расстрелянных захоранивались в ямах глубиной 2-4 метра. Всего в этом месте было найдено 150 таких ям, где покоятся останки более тысячи (1111) человек, расстрелянных М. Матвеевым. За успешное выполнение задания 20.12.1937 приказом начальника УНКВД ЛО (Заковского) он был награжден ценным подарком.

Жен казненных обычно сразу же отправляли в лагерь, поэтому сразу после расстрела Будницкого у его жены отобрали паспорт и уже хотели выслать в лагерь, но помогли знакомые. В 1942 г. семью “врага народа” вместе с семьями эстонцев, латышей, финнов и немцев из Ленинградской области выслали в Красноярский край. Жена Васильева - Нина, по свидетельству людей, знавших их семью, была умной и красивой белокурой женщиной. Она вместе с сыном, также была арестована после расстрела мужа и погибла в ссылке (или лагере) на лесоповале в районе г.Архангельска. Сын Васильевых - Юрий, которому было 11 лет, когда он остался один, вскоре также погиб.